

0 781006

На правах рукописи

Зелянская Наталья Львовна

**ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
40-50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ
СЕМИОСФЕРЫ РУССКОЙ ПРОЗЫ**

Специальность 10.01.01 — русская литература
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Новосибирск — 2009

**Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»**

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Левашова Ольга Геннадьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Собенников Анатолий Самуилович

доктор филологических наук, профессор
Ходанен Людмила Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Шатин Юрий Васильевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Челябинский государственный
университет»

Защита состоится «23» декабря в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.172.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28.

Автореферат разослан « 15 » ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Е.Ю. Булыгина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена тенденцией современно-го достоевковедения к обобщению накопленных исследований о творчестве писателя в разных аспектах: биографическом, эстетическом, историко-культурном и др.¹, — что требует рассмотрения этапов литературной деятельности Ф.М. Достоевского в качестве относительно самостоятельных периодов, обладающих своими тематическими, идеологическими, эстетическими особенностями, в совокупности отражающими эволюцию творческого становления писателя. Актуальность также связана с интересом современного литературоведения к проблеме взаимовлияния развития индивидуально-творческих систем и течения историко-литературного процесса, для решения этой проблемы необходима интерпретация творчества ключевых для русской литературы писателей (в частности, Ф.М. Достоевского) с новых методологических позиций².

Однако, как правило, взаимовлияние динамики индивидуально-творческого становления и эстетических экспериментов в рамках эпохи выявляется на примере всего литературного пути Ф.М. Достоевского, происходит систематизация и обобщение (что логично, особенно для энциклопедических изданий), но при этом выпускается специфика культурно-семиотического «рисунка» каждого этапа развития культуры, все этапы подчиняются единому эволюционному принципу без акцентуации сосуществующих сильных и слабых, влиятельных и теряющих влияние семиотических процессов. И, соответственно, индивидуальное становление писателя в

¹Об этом, прежде всего, свидетельствует создание ряда энциклопедий и словарей, посвященных Ф.М. Достоевскому: Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник / Сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев; науч. Ред. Г.К. Щенников. — Челябинск : Металл, 1997. — 272 с.; Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. — СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. — 470 с.; Белов, С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение : энц. словарь / С.В. Белов. — СПб : Алетейя, 2001. — Т. 1: А-К. — 573 с. — Т. 2: Л-Я. — 541 с.; Достоевский: энциклопедия / сост. Н.Н. Наседкин. — М : Алгоритм, 2008. — 800 с.; Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. Ю.Н. Караулов. — М. : Азбуковник, 2001. — Т. 1. — 448 с. — 2003. — Т. 2. — 514 с. — 2003. — Т. 3. — 566 с.

²Касаткина, Т.А. О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т.А. Касаткина. — М. : Изд-во ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.; Кондратьев, Б.С. Пушкин и Достоевский. Миф. Сен. Традиция / Б.С. Кондратьев. — Арзамас : Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2002. — 242 с.; Пекуровская, А. Страсти по Достоевскому: Механизмы желаний сочинителя / А. Пекуровская. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — 608 с.; Сараскина, Л.И. Федор Достоевский. Одоление демонов / Л.И. Сараскина. — М. : Согласие, 1996. — 462 с.; Седов, А.Ф. Достоевский и текст: Проблема текста с точки зрения поэтики повествования в повестях и романах Ф.М. Достоевского 60-70-х годов / А.Ф. Седов. — Балашов : Изд. альманаха «Весы», 2002. — 76 с.; Степанян, К.А. «Сознать и сказать»: «реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского / К.А. Степанян. — М. : Раритет, 2005. — 523 с.; Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. — СПб. : Искусство-СПб, 2003. — 616 с.; Щенников, Г.К. Целостность Достоевского / Г.К. Щенников. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. — 439 с.

каждый из периодов культуры также обобщается и рассматривается вне сложного процесса конкуренции смыслов в семиотическом пространстве произведений.

Дифференциация культурно-семиотического пространства по степени значимости семантических тенденций в отдельных историко-культурных периодах объясняла бы выбор вектора эволюционного движения как всей системы литературы, так и индивидуально-творческой системы. В диссертационной работе осуществляется анализ семиотических процессов одной эпохи 1840-50-х годов, в концентрированном виде содержащей культурно-семиотические тенденции, позволившие русской литературе из состояния «пассивного насыщения»³ культурными заимствованиями перейти в состояние «транслирования» и стать активным субъектом мировой культуры (традиционно это соотносится со сменой романтической и реалистической эстетических парадигм), с помощью статистических методов и моделирования реконструируется иерархия семиотических тенденций, активизировавшихся в данный период, и указанная иерархия проецируется на ранние этапы творчества Ф.М. Достоевского.

Актуально предпринятое в реферируемой диссертации изучение творчества Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов в аспекте реализации в произведениях начинающего автора эпохального поиска новых принципов нарративности, а также с точки зрения становления мифоонтологической концепции творчества.

Изучению нарративного пространства в произведениях писателя в достоевсковедении уделялось большое внимание. Прежде всего, анализу подвергалось отношение автора, рассказчика и героя, которое обуславливало специфическую организацию сюжетного пространства, конфликта, идеологической, стилистической составляющих произведений писателя. Подобный подход во многом обусловлен особенностями материала: с первых произведений в творчестве Ф.М. Достоевского центральное место занимала проблема создания нового типа отношений между героями, перераспределяющего в рамках художественного мира роли активных субъектов, от которых зависит развитие этого мира, — автора, повествовательной инстанции, главного героя⁴. В указанном контексте проведенная

³Лотман, Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — С. 269.

⁴Ветловская, В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В.Е. Ветловская. — Л.: Наука, 1977. — 199 с.; Гиголов, М.Г. Типология рассказчиков раннего Достоевского (1845-1865 гг.) / М.Г. Гиголов // Достоевский: материалы и исследования / под ред. Г.М. Фридендера. — Л.: Наука, 1988. — Т. 8. — С. 3-21; Иванчикова, Е.А. Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского / Е.А. Иванчикова // Достоевский: материалы и исследования / под ред. Г.М. Фридендера. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 11. — С. 41-51; Проскурина, Ю.М. Типология образа автора в творчестве Ф.М. Достоевского / Ю.М. Проскурина. — Екатеринбург: Изд-во УГПИ, 1992. — 56 с.; Свительский, В.А. Композиция как одно из средств выражения авторской оценки в произведениях Достоевского / В.А. Свительский // Достоевский: материалы и исследования / под ред. Г.М. Фридендера. — СПб.: Наука, 1994. — С. 11-19; Туниманов, В.А. Рассказчик в «Бесах» Достоевского / В.А. Туниманов // Исследования по поэтике и стилистике / ред. В. В. Виноградова, В. Г. Базанов, Г. М. Фридендер. — Л.: Наука, 1972. — С. 87-163.

в диссертации систематизация новых для изучаемой эпохи черт нарративности, над которыми осуществлялась художественная рефлексия в произведениях Ф.М. Достоевского, также обладает значимостью, т.к. в данном случае происходит синтез индивидуальных экспериментов с эстетическим поиском эпохи.

Онтологические основания литературной деятельности писателя начали изучаться еще в работах, принадлежащих к символистско-декадентской критике, в которых были обозначены вопросы, ставшие проблемными для литературоведения конца XX — начала XXI века. Наряду со злободневными для эпохи самого писателя идеями, в его произведениях открывались и оживленно обсуждались темы вневременного значения, важные как для понимания сущностных проблем русского национального характера, так и для осознания потребностей всего человечества. На современном этапе указанный подход к пониманию творчества Ф.М. Достоевского развивается в ряде исследований, авторы которых (Т.А. Касаткина, Л.В. Карасев, Е.М. Мелетинский, В.А. Михнюкевич, В.Н. Топоров и др.)⁵ рассматривают идейно-тематический, сюжетно-композиционный, образный и т.п. планы произведений писателя в онтологической плоскости. Однако основная часть данных научных трудов посвящена глубинным онтологическим основаниям поздних сочинений писателя.

В контексте же проблемы формирования новой онтологии творчества в эпоху 40-50-х годов XIX века наиболее целесообразным является обращение к первым двум десятилетиям творчества Ф.М. Достоевского, т.к. именно тогда у него вырабатывались собственные представления о природе литературного творчества, о творце, обусловившие особенности онтологического плана зрелых произведений. Авторы существующих на сегодняшний день работ, посвященных глубинным текстовым уровням, открывающим онтологическое значение проблематики раннего творчества Ф.М. Достоевского⁶, не ставят перед собой цели создать целостную кар-

⁵Касаткина, Т.А. О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т.А. Касаткина. — М. : Изд-во ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.; Карасев, Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу / Л.В. Карасев. — М. : Изд-во РГГУ, 1995. — 103 с.; Мелетинский, Е.М. Заметки о творчестве Достоевского / Е.М. Мелетинский. — М. : ИЦ РГГУ, 2001. — 189 с.; Михнюкевич, В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского / В.А. Михнюкевич. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1994. — 321 с.; Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифологического / В.Н. Топоров. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — 624 с.; Фазиулина, И.В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф.М. Достоевского: поэтика и онтология / И.В. Фазиулина. — Ижевск : Изд-во УдГУ, 2007. — 96 с.; Холодов, А.Б. Мифопоэтика: мотив и сюжет в системе мировидения классика (Ф.М. Достоевский, И.А. Бунин) / А.Б. Холодов. — Одесса : Астропринт, 2001. — 103 с.; Anderson, R.B. Dostoevsky: Myths of Duality / R.B. Anderson. — Gainesville : University of Florida Press, 1986. — 186 p.

⁶Ветловская, В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» / В.Е. Ветловская. — Л. : Художественная литература, 1988. — 208 с.; Ветловская, В.Е. Ф.М. Достоевский / В.Е. Ветловская // Русская литература и фольклор (вт. половина XIXв.) / отв. ред. А.А. Горелов. — Л. : Наука, 1982. — С. 17-75; Дилакторская, О.Г. Петербургская повесть Достоевского / О.Г. Дилакторская. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. — 348 с.; Доманский, Ю.В.

тину первого этапа его литературной деятельности с точки зрения обнаруженных архаических тенденций и выявить механизмы становления онтологии творчества писателя в контексте меняющихся эстетико-онтологических оснований эпохи.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые были изучены произведения Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов в качестве культурно-семиотического пространства, в котором отражено и становление его индивидуально-творческой системы, и эпохальные представления о природе творчества и об организации художественного мира.

Также впервые построены модели культурно-семиотического пространства прозы Ф.М. Достоевского 40-50-х годов XIX века и найдены точки общей эволюции индивидуально-творческой системы писателя и русской литературы данного переходного периода, главными из которых стали формирование нарративной организации произведения и поиск новой онтологии творчества. Впервые в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов изучены окказиональные жанровые формы «приключение / происшествие необыкновенное», «история одной женщины», «воспоминания мечтателя», «неизвестные мемуары», «записки неизвестного» и проанализированы экспериментальные для того времени нарративные приемы, отражающие становление повествовательных принципов событийности в русской прозе XIX века. Реконструировано мифоонтологическое пространство сочинений писателя, репрезентирующее особенности становления мира литературного произведения как художественного космоса, эксплицированы составляющие мифоонтологии творчества Ф.М. Достоевского и выявлен вектор изменения мифоонтологической концепции автора от 40-х к 50-м годам XIX века.

В рамках научно-исследовательской методологии литературоведения впервые для изучения историко-культурных и историко-литературных фактов использован метод графосемантического моделирования, который, в силу качественно-количественного характера, дает возможность достоверного исследования динамических семиотических процессов. С помощью статистических методов и моделирования впервые смоделировано состояние семиосферы 40-50-х годов XIX века.

Объектом исследования является семиосфера русской литературы 1840-50-х годов как пространство культурно-исторических трансформаций. В качестве **предмета** выступает система прозы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов как репрезентативная составляющая семиосферы русской литературы.

Основной **целью** исследования становится выявление культурно-семиотических тенденций пространства русской прозы 1840-50-х годов, обуславливающих эпохальные изменения эстетических ориентиров, а также обнаружение логики взаимовлияния движения эпохального семиозиса по пути культурно-исторического развития и становления индивидуально-твор-

Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте / Ю.В. Доманский. — Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 1999. — 93 с.; Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — С. 112-192.

ческой системы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов, в это время вырабатывающего основные эстетико-онтологические принципы организации художественного мира своих произведений.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать заглавия прозаических художественных произведений как такие факты культуры, которые способны оптимально репрезентировать состояние культурно-исторического семиозиса, и выявить основные характеристики двух эволюционных состояний семиосферы русской прозы в 1840-е и в 1850-е годы, определить характер изменений культурно-семиотического пространства русской прозы от 40-х к 50-м годам XIX века.

2. Реконструировать культурно-семиотическое пространство прозы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов на материале заглавий произведений, созданных в этот период, и соотнести логику индивидуально-творческого развития писателя и культурно-исторические тенденции эпохи перемен.

3. Изучить особенности окказиональных жанровых форм (их определения вынесены в сильную позицию подзаголовка), ставших в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов основой для эстетических экспериментов.

4. Проанализировать нарративные черты произведений Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов, определяемые выбранными писателем экспериментальными жанрами.

5. Реконструировать мифоонтологические основания творчества Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов, представляющие общепохальную тенденцию поиска новой онтологии творчества и нового представления о творце.

6. Проследить динамику изменений мифоэстетических и мифофизиологических компонентов концепции онтологии творчества Ф.М. Достоевского от 40-х к 50-м годам XIX века.

Материалом для диссертационного исследования послужили 532 заглавия эпических художественных произведений, созданных в 40-50-е годы XIX века 152 литераторами разной степени значимости для истории русской литературы (в 1840-е — 221; в 1850-е — 311 заглавий); а также 15 сочинений Ф.М. Достоевского разных эпических жанров, написанных в эту эпоху: «Бедные люди» (1846), «Двойник. Приключения господина Голыдкина» (1846), «Господин Прохарчин» (1846), «Роман в девяти письмах» (1847), «Хозяйка» (1847), «Ползунков» (1848), «Слабое сердце» (1848), «Чужая жена и муж под кроватью (*Происшествие необыкновенное*)» (1848), «Честный вор (*из записок неизвестного*)» (1848), «Елка и свадьба (*из записок неизвестного*)» (1848), «Белые ночи. Сентиментальный роман (*Из воспоминаний мечтателя*)» (1848), «Неточка Незванова (*История одной женщины*)» (1849), «Маленький герой (*Из неизвестных мемуаров*)» (1849), «Дядюшкин сон (*Из мордасовских летописей*)» (1859), «Село Степанчиково и его обитатели. *Из записок неизвестного*» (1859).

Методологическая база исследования определяется структурно-семиотическим подходом, разработанным в трудах В.В. Иванова, Ю.М. Лотмана (главным образом, в его поздних работах о семиотике культуры и ис-

кусства), В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и т.д. Методологическим значением для исследования обладают работы М.М. Бахтина, представляющие собой фундаментальные исследования механизмов культуры, отражения историко-литературных особенностей художественной коммуникации в жанровых формах, в способах организации художественной онтологии, труды Д.С. Лихачева о смене эпохальных стилей, об эпохальных концептах и т.п.

В работе указанные методологические основания позволили представить культурно-исторический период в русской литературе 1840-50-х годов в качестве системы, особенности ее структурной организации в данном контексте были интерпретированы как семиотические детерминанты векторов развития русской культуры от одного рассмотренного десятилетия к другому. Тот же принцип дал основания для соотнесения индивидуально-творческого пути Ф.М. Достоевского и эволюционирующей культурно-семиотической системы прозы 40-50-х годов XIX века в качестве взаимообусловленных фактов культуры.

Заявляемый ракурс рассмотрения темы предполагает использование успешно освоенных литературоведением разных подходов и концепций междисциплинарного блока: лингвистических, культурологических, математических методов. Особое место здесь занимают статистические методы и моделирование. В рамках указанного подхода в диссертации был разработан метод графосемантического моделирования, который позволяет изучать динамические семиотические системы, учитывая особенности иерархии их синхронной структуры, одновременно, эксплицируя тенденции, способные провоцировать качественные изменения системы, и прогнозируя векторы ее дальнейшего развития.

Для изучения реализации историко-культурных тенденций в индивидуально-творческой системе Ф.М. Достоевского дополнительно была использована сложившаяся в рамках структурно-семиотического направления методология исследования нарратива, а именно те нарративные подходы, которые развиваются в работах, посвященных историко-литературной динамике становления и развития повествовательности, категорий автора и рассказчика, жанровых параметров и сюжетной событийности⁷. Кроме того, в рамках структурно-семиотической методологии для нашего исследования оказался плодотворным метод мифологического анализа, который в работе дает возможность вскрыть на разных уровнях текста (повествовательном, сюжетном, образном, художественно-языковом и т.п.) глубинные мифоонтологические схемы, организующие реальность, создаваемую в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов.

⁷Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1975. — 504 с.; Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.; Бройтман, С.Н. Историческая поэтика / С.Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 тт. / под ред. Н.Д. Тамарченко. — М. : Академия, 2007. — Т. 2. — 368 с.; Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. — М. : Наука, 1980. — 362 с.; Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архирей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. — Тверь : Изд-во Тверского. гос. ун-та, 2001. — 58 с.; Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. — М. : Лабиринт, 1997. — 448 с.

В соответствии с задачами исследования мы определяем следующие **положения**, выносимые **на защиту**:

1. Основные направления изменений в семиосфере русской прозы 1840-50-х годов связаны с переструктурированием смысловых категорий (полей) внутри актуальных для эпохи семиотических контекстов. В *эстетико-словесном контексте*: перераспределение централизирующих функций в произведении между главным героем и повествующим субъектом; в *лично-семантическом*: смещение акцентов с внешних проявлений на духовно-психологические и гендерные черты персонажа; в *аксиологическом*: утверждение возможности характеризовать факты с разных ценностных позиций; семиотизация отсутствия конструктивных черт героев и окружающей их реальности; в *онтологическом*: деактуализация временных параметров и семиотизация пространства художественной реальности; в *деятельностном*: изображение конструктивной человеческой деятельности в качестве демиургической.

2. В семиотической системе прозы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов наиболее активными оказались культурно-семиотические категории (поля), которые обусловили основные направления изменений в семиосфере русской прозы этого периода («литературные приемы», «характеристики», «литературность», «организация произведений», «универсализация», «межличностно-коммуникативные отношения»), потому творчество писателя представляет собой один из реализовавшихся продуктивных вариантов развития русской литературы, обусловивших интеграцию ее в мировую культуру.

3. Ф.М. Достоевский в 1840-50-е годы экспериментировал с окказиональными жанрами («приключение / происшествие необыкновенное», «история одной женщины», «воспоминания мечтателя», «неизвестные мемуары», «записки неизвестного»), которые представляют собой формы, отражающие индивидуально-творческие искания писателя и варианты освоения культурой новых принципов художественной коммуникации.

4. Окказиональные жанровые формы в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов предстают в качестве пространства формирования образа нарратора — нового субъекта повествования, являющегося олицетворением процесса рассказывания. Окказиональные жанры также определяют черты новой для эпохи событийности, которая предполагает появление в жизни героя кризисной ситуации, требующей от него кардинального переосмысления основ бытия и своего места в мире.

5. Мифоонтологическая концепция творчества, формирующаяся в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов, организуется на основе космогонического архетипа, имплицитное влияние которого позволяет писателю литературный творческий процесс — как реальный, так и изображаемый в художественной действительности — соотносить с созданием космоса.

6. Мифоонтология творчества Ф.М. Достоевского в рамках художественного пространства предполагает взаимодействие мифоэстетической и мифофизиологической составляющих. Мифоэстетические компоненты задают ракурс изображения (ситуация подглядывания) и обуславливают присутствие бинарных оппозиций (демиург / трикстер; мужское / женс-

кое), динамика взаимодействия которых в текстах писателя определяет конструктивный или деструктивный вектор космогонических процессов. Мифофизиологический уровень формируется рядом ситуаций и состояний (соблазнение, свадьба, инцест, пьянство), призванных испытать способность героя к универсальной всеместимости творца, необходимой для воплощения полноценной космогонии.

7. Эволюция мифоонтологии творчества Ф.М. Достоевского от 40-х к 50-м годам XIX века связана с преодолением персонажами, приобретенными к художественной космогонии, своего творческого бессилия. Данное преодоление герои-творцы осуществляют в контексте деактуализации взаимоотношения между персонажами — носителями противоположных космогонических тенденций. Художественная космогония с указанных позиций становится не процессом взаимоуничтожающей борьбы деструктивного и конструктивного начал, а диалогом разных вариантов творчества.

В целом, выдвигаемая нами гипотеза заключается в том, что творчество Ф.М. Достоевского 40-50-х годов XIX века является такой индивидуальной эстетической системой, которая способна репрезентировать основные культурно-исторические трансформации эпохи перемен. В свою очередь культурно-исторический период 40-50-х годов XIX века, повлекший за собой в русской литературе качественные эстетические перемены, повлиял на формирование Достоевского как писателя граничных тем, ситуаций и проклятых вопросов. Соответственно, произведения первых десятилетий его литературной деятельности дают представление о механизмах становления новых эстетических ориентиров времени, прежде всего, переорганизации нарративного пространства (появление художественно значимого собственно повествовательного плана и начало создания событийности классического типа) и утверждения новой онтологии творчества (взаимодействия мифоэстетических и мифофизиологических его составляющих).

Теоретическая значимость. Выводы, сделанные в диссертационном исследовании, могут быть полезны при изучении закономерностей литературного процесса, для выявления границ и черт преемственности между историко-литературными периодами и для уточнения характеристик литературных направлений, методов, школ. Результаты работы могут также применяться при изучении культурно-семиотических механизмов, закономерностей эпохальной семиосферы.

Нарратологические наблюдения, сделанные в работе в связи с вопросом об окказиональных жанровых формулировках, могут быть востребованы в рамках теории нарратива с позиции уточнения категорий нарративности в контексте их историко-литературного становления. Реконструкция мифоонтологической концепции творчества Ф.М. Достоевского первых двух десятилетий его литературной деятельности расширяет проблемное поле исследований по онтологии художественного творчества, представляя варианты взаимодействия материально-физиологических и эстетических оснований художественного бытия и возможные способы активности субъекта творчества.

Методологическая программа, разработанная в диссертации для анализа развивающегося семантического пространства культуры, плодотворна для методологии литературоведческих исследований.

Практическая значимость. Полученные результаты могут использоваться в вузовских курсах гуманитарного цикла: История русской литературы 2/3 и 3/3 XIX века, Теория литературы, Культурология, Литература и искусство; в спецкурсах по творчеству Ф.М. Достоевского, по нарратологии, мифологике, по методологии литературоведческого исследования, а также в работе спецсеминаров. На основании результатов обработки смысловых компонентов заглавий произведений 40-50-х годов XIX века создана компьютерная программа по анализу текста «Информационные потоки в тексте» (зарегистрирована Всероссийским научно-техническим информационным центром, инвентарный номер 50200300243). Исследовательские алгоритмы, в соответствии с которыми было организовано изучение культурно-семиотических процессов в прозе 1840-50-х годов, используются при реализации проекта № 2.1.3/3720 «Картина мира современного российского общества», выполняемого в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» для реконструкции историко-культурного компонента картины мира.

Апробация работы. Материалы диссертации легли в основу докладов, прозвучавших на следующих научных и научно-практических конференциях: на конгрессе МАПРЯЛ «Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве» (Санкт-Петербург, 2008);

на международной научно-практической конференции «Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы» (Оренбург, 2004); на международной научной конференции «Актуальные проблемы современного словообразования» (Томск, 2005); на международной научной конференции X Виноградовские чтения «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Москва, 2007); на IV международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2008); на международной научной конференции «Дергачевские чтения — 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2008); на VI международной научной конференции «Семиозис и культура: философия и феноменология текста» (Сыктывкар, 2009);

на всероссийской научной конференции «Квантитативная лингвистика: исследования и модели (КЛИМ — 2005)» (Новосибирск, 2005); на всероссийской научно-практической конференции «Филологические чтения» (Оренбург, 2006); на XII и XIII всероссийских научно-практических конференциях «Художественный текст: варианты интерпретации» (Бийск, 2007, 2008); на всероссийской научной конференции «Память литературы и память культуры: механизмы, функции, репрезентации» (Воронеж, 2009);

на III, IV, V межрегиональных научно-практических конференциях «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации» (Новокузнецк, 1998, 1999, 2001); на VII межвузовской научно-практической конференции «Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста» (Бийск, 2002); на IX и X межвузовских научно-практических конференциях «Художественный текст: варианты интерпретации» (Бийск, 2004, 2005).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Библиографический список включает 411 наименований. В тексте 3 рисунка, 4 таблицы. Общий объем исследования 357 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна проведенного исследования, выбор методологии, указываются объект и предмет изучения, определяются цели и задачи, формулируются основные положения диссертации, заявляется рабочая гипотеза.

Общая логика исследования заключается в движении фокуса рассмотрения материала от общих культурно-семиотических тенденций, смысловых мотивов, распространившихся в литературных произведениях эпохи и конкретизировавших эти тенденции, к изучению сочинений отдельного автора, останавливаясь на тех чертах, которые в эксплицитной форме отражают сложное взаимодействие индивидуально-творческих интенций и важных на культурно-историческом фоне эволюционных трансформаций литературного пространства эпохи.

Специфика развития творческой системы отдельного автора и семиозиса культуры в их взаимовлиянии рассматривается с таких точек отсчета, которые более наглядно способны представить сложный процесс согласования художественного экспериментирования отдельного автора и эпохального поиска новых эстетических установок. Этими точками в диссертационной работе являются заглавия, окказиональные авторские жанры (репрезентированные в жанровых подзаголовках) и их проекции в тексты культуры и тексты конкретных произведений, а также архетипические сюжеты и образы. Заглавия и жанровые подзаголовки понимаются как семиотические компоненты, располагающиеся на границе между пространством произведения и пространством культуры; а архетипические сюжеты и образы полагаются знаками границы между общечеловеческими, вечными установками художественного бытия и индивидуальным пониманием художественной онтологии.

В **первой главе** «Русская проза 40-50-х годов XIX века как пространство культурно-семиотических изменений» осуществляется реконструкция концептуального и культурно-семиотического пространств русской прозы 1840-50-х годов и выявляется динамика семиотических эпохальных изменений от одного десятилетия к другому.

В **первом разделе** «Система русской прозы 1840-50-х годов: особенности репрезентации культурно-семиотических процессов» решается проблема определения параметров, которые позволили бы учитывать фактор непрерывности развития системы русской прозы как культурно-семиотического феномена и фиксировать составляющие ее элементы, изменение которых в рамках целого создает видимые результаты процесса эволюции.

Необходимая для исследования динамика развития системы культуры может быть обнаружена только в масштабах *семиосферы*, как ее понимал

Ю.М. Лотман⁸, т.к. напряженная система смыслового обмена внутри семиосферы способна объяснить значительные эволюционные трансформации в пространстве русской литературы изучаемого периода, которые затронули всю национальную культуру. Рассмотрение русской прозы периода 40-50-х годов XIX века, вместившего в себя всю семиотическую противоречивость интеграции в мировое культурное пространство, как части историко-культурного процесса позволяет представить ее в качестве самостоятельной системы, имеющей собственный потенциал развития, приобретенный по мере накопления «семиотического опыта».

В реферируемой работе предлагается вариант методологической программы, которая предусматривает адаптацию количественного анализа и моделирования к историко-литературному исследованию путем сочетания первичной унификации историко-литературного материала (выделение семантических полей), статистического анализа, моделирования и последующего «возвращения» к исходному материалу с целью качественной интерпретации полученных результатов. Эта исследовательская программа отражена в разработанном автором диссертации *методе графосемантического моделирования*⁹, который позволил реконструировать семиотические векторы, определяющие специфику русской прозы 1840-50-х годов как репрезентанта состояния всей культурно-семиотической системы этого периода во всем его противоречии.

Для экспликации культурно-исторических закономерностей изучаемой эпохи необходим репрезентативный семиотически значимый материал, способный, одновременно, выражать историко-литературные особенности и встраиваться в общекультурный процесс. В качестве такого материала были выбраны *заглавия* прозаических произведений, написанных и/или напечатанных в 40-50-е годы XIX века. Заглавие способно отражать состояние нескольких изоморфных культурогенных систем: национального языка; художественной литературы; семиосферы¹⁰. Подобная диалектическая природа заглавия делает его практически идеальным материалом для экспликации унифицированных культурных смыслов (семантических полей), актуальных для эпохи, породившей номинируемое этим заглавием произведение.

⁸Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3-х тт. — Таллинн : Александра, 1992. — Т.1. — С. 11-25.

⁹Совместно с К.И. Белоусовым, см., например: Белоусов, К.И. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологических исследованиях. / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 8. — С. 40-46.

¹⁰Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. — Ростов н/Д : Феникс, 1998. — 480 с.; Данилова, Ю.Ю. Заглавия как «тексты-примитивы» (на материале поэтических текстов З.Н. Гиппиус) / Ю.Ю. Данилова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Труды и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2006. — Т. 1. — С. 69-72; Кржижановский, С.Д. «Страны, которых нет»: статьи о литературе и театре / С.Д. Кржижановский. — М. : Просвещение, 1994. — 213 с.; Тюпа, В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) / В.И. Тюпа. — М. : Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с.

Для анализа использовались все заглавия прозаических произведений 1840-50-х годов, упомянутые в биобиблиографических словарях «Русские писатели»-1971; «Русские писатели»-1990; «Большой русский биографический словарь»¹¹. Материал для анализа отбирался путем исчерпывающей сплошной выборки из совокупности, составленной авторами словарей по аксиологическому принципу, т.е. так, чтобы творчество каждого писателя было представлено наиболее репрезентативными произведениями. Данное обстоятельство свидетельствует об адекватном отражении проанализированной выборкой генеральной совокупности заглавий данного периода и о достоверности результатов. Всего было исследовано 532 заглавия, отобранные из статей о 152 литераторах разной степени значимости, творческая деятельность которых осуществлялась в изучаемую эпоху.

Второй раздел «Парадигма смыслов культурно-семиотического пространства русской прозы 1840-50-х годов» посвящен анализу семантических полей, репрезентирующих культурные смыслы, составившие в эпохальный семиозис 1840-50-х годов. Эти поля имеют показатели частотности и валентности, превышающие порог статистической значимости (для частотности установлен пороговый показатель среднее $+ 0,5\sigma$, для валентности — среднее $+ \sigma$). Показатель *частотности* поля свидетельствует о том, как часто это поле встречается в выборке, т.е. насколько предпочтительным в рамках культурно-исторического периода 40-50-х годов XIX века является комплекс сем, входящий в поле. *Валентностью* поля называется его способность образовывать значимые связи с другими полями (в рамках смыслового «облика» отдельных заглавий). Валентность свидетельствует о семантической активности поля, т.е. о том, как часто компоненты этого поля вступают в ассоциативно-смысловое взаимодействие с компонентами других полей, образуя непрерывность семиотического пространства эпохи.

Значимыми и в 1840-е и в 1850-е годы являются следующие семантические поля: «организация произведений» (1840: частотность 9 %, валентность 17; 1850: частотность 9 %, валентность 20), «литературные приемы» (1840: 2 %, 2; 1850: 6 %, 10), «литературность» (1840: 10 %, 10; 1850: 8 %, 9), «ономастикон персонажей» (1840: 6 %, 9; 1850: 3 %, 6), «характеристики» (1840: 6 %, 8; 1850: 7 %, 16), «социальная дифференциация» (1840: 7 %, 8; 1850: 6 %, 7), «универсальное пространство» (1840: 6 %, 8; 1850: 5 %, 10), «социализированное пространство» (1840: 2 %, 1; 1850: 3 %, 5), «культурное пространство» (1840: 5 %, 8; 1850: 4 %, 7), «мужское начало» (1840: 4 %, 8; 1850: 3 %, 8), «женское начало» (1840: 2 %, 2; 1850: 2 %, 3), «универсализация» (1840: 3 %, 1; 1850: 3 %, 6), «межличностно-коммуникативные отношения» (1840: 3 %, 3; 1850: 4 %, 5), «события» (1840: 3 %, 2; 1850: 3 %, 6), «общее указание на время» (1840: 2 %, 1;

¹¹Русские писатели. Биобиблиографический словарь / ред. коллегия Д.С. Лихачев [и др.]. — М.: Просвещение, 1971. — 728 с.; Русские писатели. Биобиблиографический словарь: в 2 ч. / под ред. П.А. Николаева. — М.: Просвещение, 1990. — Ч. 1. — 432 с. — 1990. — Ч. 2. — 448 с.; Большой русский биографический словарь / под ред. П.Ю. Каллиникова. — <http://www.rulex.ru/brbs1.htm>.

1850: 3 %, 1), «русская историко-культурная среда» (1840: 2 %, 5; 1850: 1 %, 3), «дифференцированное пространство России» (1840: 2 %, 1; 1850: 2 %, 1), «семейные отношения» (1840: 3 %, 1; 1850: 2 %, 1), «иностранный историко-культурная среда» (1840: 2 %, 2; 1850: 1 %, 1). Обладали культурно-историческим весом в 40-е годы XIX века, но не перешагнули порог значимости в 50-е «эмоционально-чувственные состояния» (2 %, 1), «историческое время» (2 %, 4), «официальная сфера» (3 %, 2). В 1850-е годы приобрели семиотическую актуальность поля «виды человеческой деятельности» (4 %, 10), «духовно-психические состояния» (2 %, 3), «материальный мир» (2 %, 1), «общие закономерности жизни» (2 %, 2), «природа» (2 %, 1). Основная причина любого минимального движения смысла в пределах семантического поля — это смена состава сем, которые могут быть объединены по основанию, формирующему данное поле, а также смена контекстов реализации для сем одного поля, т.е. семантические компоненты других полей, объединенные в рамках заглавия художественного произведения.

В обобщенном виде каждое указанное поле обладает следующим смысловым содержанием.

Поле «организация произведений» составили компоненты, связанные со способами расположения фактов, элементов повествования, персонажей, со спецификой протекания действия, композиционными рамками, отступлениями и т.п. («Антон Горемыка» (Д.В. Григорович, 1847) — централизация вокруг главного героя; «Неоконченные повести» (В.А. Соллогуб, 1843) — специфика развития изображаемых событий и действий и композиция произведения; и др.). Поле «литературность» образуют семы, указывающие на словесную природу бытования состоявшегося произведения искусства, на сугубо литературный его статус как на важную онтологическую характеристику, что нередко подчеркивалось посредством обозначения его литературного жанра и экспликации внутритекстовой ориентации на записывание и последующее чтение («Рассказ Алексея Дмитрича» (1848), (С.Ф. Дуров, 1847)). «Литературные приемы» состоят из риторических, стилистических средств, игры семантическими коннотациями, формой и т.п. («Кредиторы, любовь и заглавия» (Я.П. Бутков, 1847)).

«Ономастикон персонажей» включает в себя имена, фамилии, отчества и прозвища героев («Майор Смагин» (Н.С. Кохановская, 1844)). Поле «характеристики» составили компоненты, репрезентирующие разнообразные явные и имплицитно присутствующие характеристики и оценки, конкретная семантика которых не обобщается в самостоятельные блоки («Сердешина Оксана» (Г.Ф. Квитка, 1841)). «Социальная дифференциация» объединяет семы, связанные с разными проявлениями сословной принадлежности («Бедные люди» (Ф.М. Достоевский, 1846)). Поля «мужское начало» и «женское начало» определены конкретной половой отнесенностью и, вместе с тем, гендерными стратегиями поведения персонажей («Сынок и маменька» (М.Л. Михайлов, 1852)).

Компоненты «универсального пространства» предполагают традиционную дифференциацию мира по общепринятым пространственным категориям, указание на наличие пространства как такового («Три страны све-

та» (Н.А. Некрасов, А.Я. Панаева, 1848–49)). «Универсализацию» составляли семы, указывающие на обобщенность, охват большого количества предметов, явлений, событий, действий, личностей и т.п., на их повторяемость, типичность («Двойная жизнь» (К.К. Павлова, 1848)). Поле «социализированное пространство» включает виды пространства, организованного в соответствии с ценностями социума: центр / периферия, столица / провинция, внешнее пространство / пространство дома. («Петербургская летопись» (Ф.М. Достоевский, 1847)). «Дифференцированное пространство России» составили конкретные локусы (города, губернии, деревни), расположенные в России («Петербургские шарманщики» (Д.В. Григорович, 1845)). Поле «общее указание на время» объединяет семы, указывающие на обобщенные временные знаки, векторы в прошлое или будущее («Жена часового мастера» (А.Я. Панаева, 1849)). Поле «культурное пространство» образовано компонентами, представляющими собой эстетические категории и установки в их связи с культурно-историческим процессом, эстетическую перспективу — модус и пафос, аллегорическая или непосредственная отнесенность к какому-либо культурно-историческому периоду, эстетическому направлению, иным видам искусства и т.п. («Быль не быль и сказка не сказка» (Е.П. Гребенка, 1844)). Поле «русская историко-культурная среда» объединяет компоненты, актуализирующие причастность к русской культуре («Русские ночи» (В.Ф. Одоевский, 1844)). «Иностранная историко-культурная среда» образована семами, указывающими на влияния фактов культуры других народов («Полинька Сакс» (А.В. Дружинин, 1847)).

Компоненты смыслового блока «межличностно-коммуникативные отношения» предполагают акцентирование на целостной коммуникативной ситуации, включающей факт межличностного взаимодействия, речевой акт и вовлеченность коммуникантов (кто бы (или что бы) ни выступал в этой роли) в ценностное пространство друг друга («Званный вечер» (Г.Ф. Квитка, 1840–42)). Поле «семейные отношения» объединяет семы, указывающие на родственные отношения разного типа («Родственники» (И.И. Панаев, 1847)). Поле «события» состоит из элементов смысла, обозначающих значительные в масштабах жизни отдельного человека или в мировом масштабе явления, факты, действия, происшествия («Три встречи» (И.С. Никитин, 1852)). Поле «официальная сфера» включает компоненты, отражающие принципы деления общества по чинам, званиям, отношения власти / подчинения в рамках официально-делового пространства («Русские полководцы» (Н.А. Полевой, 1845)). «Историческое время» объединяет семы, указывающие на конкретный период в мировой истории, а также на факт смены исторических эпох («Генерал Калимерос» (А.Ф. Вельтман, 1840)). В «эмоционально-чувственные состояния» входят семы, выражающие чувства и эмоции («Горюн» (Я.П. Бутков, 1847)).

В смысловой блок «виды человеческой деятельности» входят семы, отражающие целенаправленную человеческую активность, связанные с конкретной деятельностью человека, в том числе, профессиональной («Выкуп» (М. Вовчок, 1859)). «Природа» репрезентирует природную флору и фауну, а также природные первостихии, олицетворенные разными образа-

ми («Бирючья коса» (А.Ф. Писемский, 1857)). Семы, составившие поле «духовно-психические состояния», указывают на свойства и состояния человеческой психики, на процессы, происходящие в человеческой душе, и механизмы, обуславливающие эти процессы («Дневник лишнего человека» (И.С. Тургенев, 1850)). «Материальный мир» объединяет компоненты, которые обозначают конкретные предметы, окружающие человека в его быту («Именинный пирог» (П.И. Мельников, 1858)). «Общие закономерности жизни» образованы компонентами, связанными с обобщенными фазами жизни как универсального процесса развития и угасания всего сущего; с закономерностями этого процесса, имеющими внеположенную ему природу (например, судьба); с разными универсальными уровнями бытия (духовная жизнь, быт, физиологическое существование) («Неудавшаяся жизнь» (Д.В. Григорович, 1850)).

В *третьем разделе* «Моделирование семиозиса: состояния культурно-семиотической системы русской прозы 40-50-х годов XIX века» были реконструированы два этапа развития семиосферы русской прозы, соответствующие 1840-м и 1850-м годам, построены графосемантические модели, отражающие особенности семиозиса этих десятилетий, и проанализированы эти модели (рисунки 1 и 2).

Реконструированные семантические поля, репрезентирующие культурные смыслы 40-50-х годов XIX века, соотносятся друг с другом в рамках графосемантических моделей, построенных на основании показателей частотности и валентности каждого поля (частотность и валентность отражают результаты тенденций, обуславливающих место концепта в системе).

Контекстуальное, системное значение поля является показателем степени его участия в культурно-исторических процессах. Связи между полями, представленные в моделях, репрезентируют отношения между культурными смыслами на этапе развития семиосферы, соответствующем исследуемой эпохе.

Графосемантическая модель системы русской прозы 1840-х годов отразила состояние семиозиса этого десятилетия с позиции сложного сосуществования актуальных для этого времени культурных концептов.

Все семиотические тенденции данного периода призваны корректировать нарративные стратегии эпохи (центральное поле — «организация произведений»); основными контекстами переосмысления способов организации мира художественного произведения становятся пространственные параметры художественной онтологии, аксиологические установки, общемировая культура, литературное творчество как упорядочивающий процесс, социальная сфера и герой, в том числе с позиции его личной семантической значимости и гендерно-поведенческой предопределенности.

Наиболее значимыми онтологическими принципами этого периода становятся личностное, означенное собственным именем пространство героя, социальная идентификация и принципиальная мужскость, которые задают развитие всей повествовательной структуры. Важными оказываются также принципы, утверждающие художественно-литературную природу произведения, указывающие на процесс писания и идентификации в мире литературных форм, на культурные контексты, необходимые для органи-

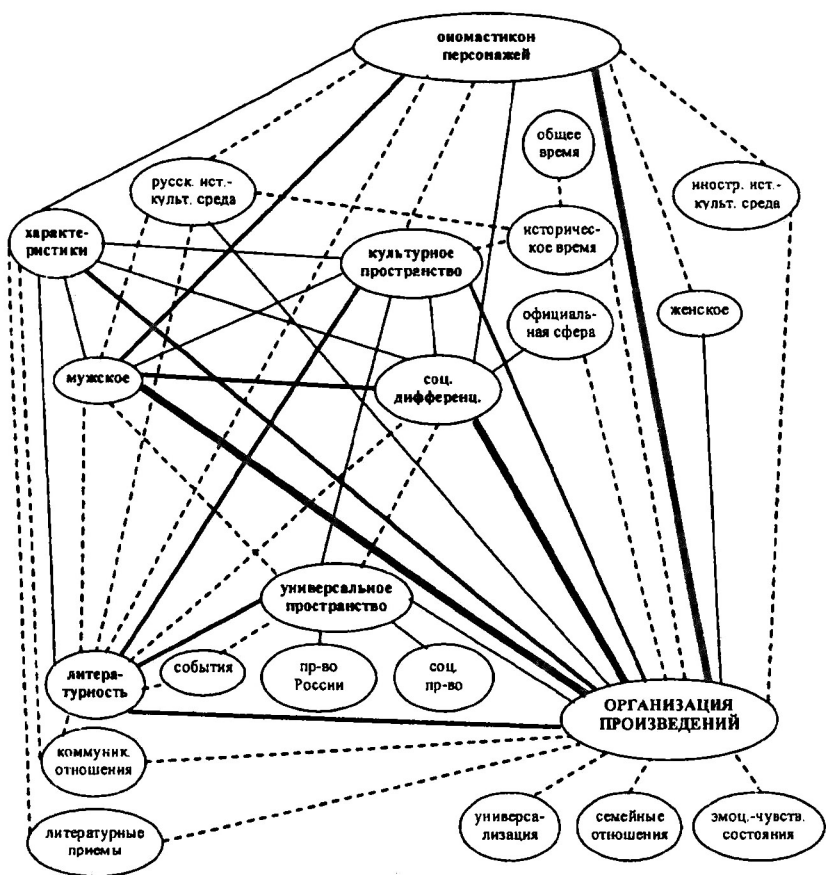

Рисунок 1. Графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1840-х гг.

Примечание. Прописными буквами на рисунке обозначено доминантное поле системы. Жирным шрифтом - наиболее частотные семантические поля (альтернативные доминанты). Пунктирными линиями отмечены связи, сила которых превышает статистический порог значимости, равный среднее $+ \sigma$; обычными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее $+ 2\sigma$; полужирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее $+ 3\sigma$; жирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее $+ 4\sigma$ и более.

зации и понимания художественного мира, на аксиологическую позицию автора и / или рассказчика по отношению к создаваемой реальности.

Поле «характеристики» начинает конкурировать с «организацией произведений» — ядерным блоком системы. Так, обнаруживается имплицитно конфликтное напряжение между процессами нарративного упорядочи-

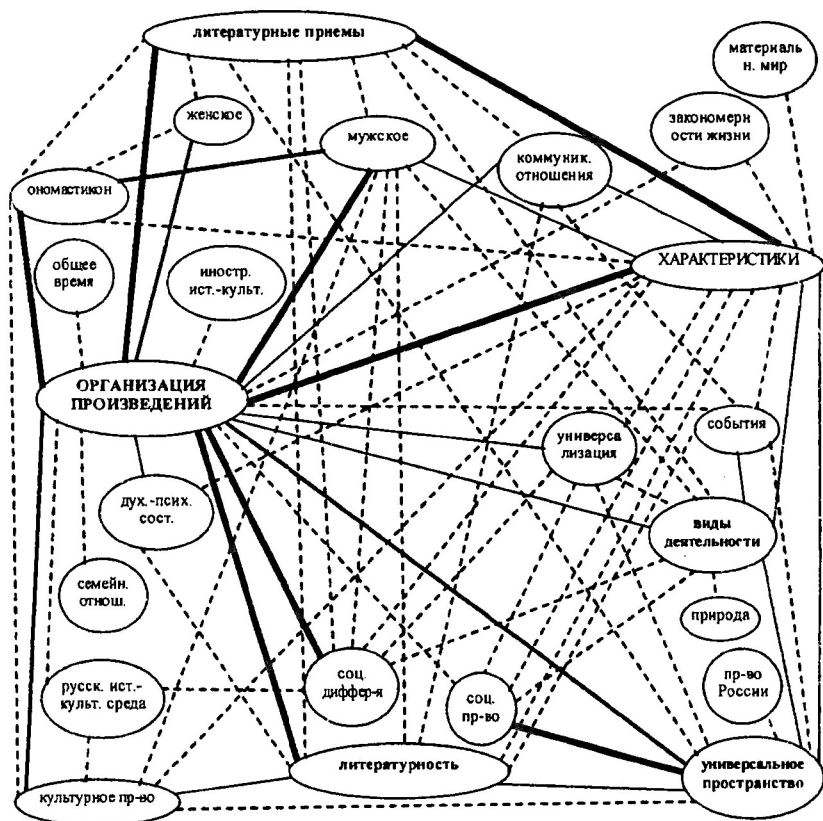

Рисунок 2. Графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х гг.

Примечание. Прописными буквами жирным шрифтом на рисунке обозначено доминантное поле системы. Прописными буквами - главная альтернативная доминанта. Жирным шрифтом - наиболее частотные семантические поля (альтернативные доминанты). Пунктирными линиями отмечены связи, сила которых превышает статистический порог значимости, равный среднее $+ \sigma$; обычными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее $+ 2\sigma$; полужирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее $+ 3\sigma$; жирными линиями обозначены связи, сила которых превышает среднее $+ 4\sigma$ и более.

вания художественного пространства и оценивания художественного мира и его элементов. Но в период 1850-х годов аксиологическая тенденциозность не имеет достаточного потенциала для того, чтобы переориентировать всю систему в сторону тотальной зависимости от авторских ценностных установок, т.к. сами эти установки еще крайне разнонаправлены и многие из них не разрушают, а усиливают влияние поля «организация про-

изведений». Другие сильные поля полностью находятся в сфере влияния доминанты и конкурируют друг с другом. В 1850-е годы семантический потенциал указанных полей находится, в целом, на одном и том же уровне. И, действительно, тенденции, связанные со всеми этими полями, так или иначе, отразились в творчестве авторов второй половины XIX века — именно поэтому русский реализм породил столь не похожих друг на друга по художественным установкам романистов.

Четвертый раздел «Динамика изменений культурно-семиотического пространства русской прозы от 40-х к 50-м годам XIX века» посвящен анализу отличий двух состояний семиосферы русской прозы — 1840-х и 1850-х годов. Параметрами, по которым оценивалось качественное движение семиосферы, стали частотность, валентность и сила валентных связей семантических полей. Семиотические трансформации прозаических произведений от 1840-х к 1850-м годам практически полностью обусловлены изменениями системного влияния центрального поля («организация произведений») и альтернативных доминант («характеристики», «литературные приемы», «литературность», «виды человеческой деятельности», «универсальное пространство»), репрезентирующих разные способы упорядочивания художественного мира. В данной связи разнообразные векторы семиозиса, активизировавшиеся в изучаемую эпоху, прежде всего, предстают как варианты структурирования художественной реальности произведения, а само культурно-семиотическое пространство прозы периода 40-50-х годов XIX века — как сфера конкурентирования нарративных стратегий.

В исследовании было выявлено пять основных семиотических контекстов, определивших эпохальные способы построения художественной действительности: это личностное пространство персонажа, аксиологический контекст, собственно словесно-эстетический контекст, онтология художественного мира и деятельностная активность героя. Противостояние данных контекстов носит не взаимоисключающий, а взаимоподчиняющий характер, благодаря такому взаимодействию система демонстрирует свою способность к развитию и наиболее продуктивные на данном этапе пути развития.

Динамика семантических изменений, происходивших в 1840-50-е годы, свидетельствует о появлении ряда четких тенденций, предопределивших развитие литературы в XIX веке. Прежде всего, это существенная трансформация образа центрального персонажа, основной характеристикой которого стала его тотальная «негероичность». Фокусирование художественного взгляда на слабости персонажа, на его неспособности совладать с обстоятельствами либо на его духовно-нравственной деградации под воздействием обстоятельств в историко-культурном контексте оборачивается повышенным вниманием к организации произведения. Являясь одновременно идеологическим, структурным, сюжетно-композиционным центром художественного мира, герой как носитель самооценного сознания от 1840-х к 1850-м годам либо усугубляет аутические черты, либо расширяет свои семиотические границы за счет не востребованного ранее женского гендерного полюса (своеобразное обращение к «асистемному» элементу для стимулирования развития системы), либо постепенно передоверяет свои

структурообразующие функции и замещается знаком социально-профессиональной принадлежности.

Следствием историко-литературной рефлексии о герое явилась активизация языковой материи художественного произведения — литературность начинает осмысляться с точки зрения проблемы письма, что «запускает» процесс автономизации акта воплощения, материализации художественного замысла в качестве самоценного действия; литературные приемы из вспомогательного средства характеристики превращаются в источник развития образов, действия и начинают обуславливать интертекстуальную преемственность пространства русской литературы. Выходящие в контексте эпохи на первый проблемный план принципы художественности и литературности, усложняясь, дифференцируясь и встраиваясь в непривычные смысловые контексты, открывают разнообразные способы взаимодействия между творчеством как процессом и как результатом, между творцом и произведением, поведенческими и нарративными стратегиями, организацией формы, материи и смысла, взаимопереходов художественного мира и мира реальности и т.п.

Кроме обозначенных семиотических трансформаций, в изучаемую эпоху переосмыляется онтологическое соотношение пространства и времени — в сторону увеличения роли пространства, что обусловило семиотическую трансформацию представлений о социальной организации России. Возобладавшие универсализирующие, символизирющие тенденции в сфере онтологии положили начало культурно-историческому обоснованию национального пространственного мифа, замещающего собой принятые в Европе представления о законах сословно-классовой иерархии общества. Деактуализация времени характерна для ситуации культурного взрыва — зарождения новой онтологии, точки мифоонтологического первотворения, в которой времени как движущейся и движущей силы еще нет, оно находится в синтетическом единстве с пространством, только начинающим первичную дифференциацию. Среди пространственных же параметров значимостью обладают именно универсальные характеристики («новое небо и новая земля»), востребованные в период любого онтологического переустройства.

Приобретение более дифференцированной аксиологической шкалы на фоне свойственной эпохе экспериментирования с характеристиками и оценками открыло сферу чувственного (аудио-визуального) восприятия как необходимого опосредующего этапа для художественного изображения и семиотизации явления, а также телесную сферу. Таким образом, аксиологической рефлексии подверглись факты телесной проявленности всех существ и предметов, определяющей одновременно их границы в пространстве и ограниченность друг от друга — по сути, их «другость», и способы понятийно-ментального «присвоения» Другого через аудио-визуальное постижение его присутствия в мире. Данные контурно обозначенные сферы соответствуют способам преодоления доминирующей установки на пассивность, ставшей в 40-50-е годы основной характеризующей чертой.

Последним важным для развития системы является новый семиотический контекст, противоположный по направленности основной массе присут-

ствующих ранее контекстов, — он открывает для художественного осмысления активную человеческую деятельность. Через призму этого контекста преломляются и стратегии взаимоотношений человека и мира, и социальное устройство, и коммуникация, он начинает оказывать воздействие на процесс присвоения характеристик и на организацию художественного мира в целом.

Усиление степени влияния рефлексии над процессом литературного творчества («литературность»), активности художественного приема («литературные приемы»), пространственной символики («универсальное пространство») или акцентуация важности активной деятельности человека в реальном мире («виды человеческой деятельности») повлекут за собой изменение общеэстетического вектора в сторону психологичности и аутичности или литературного экспериментаторства, или символичности, или натуралистичности и социальности — соответственно. При этом художественный арсенал, с помощью которого реализуются остальные тенденции, начнет подчиняться смысловой логике усилившегося поля.

Вторая глава «Рамочные компоненты системы прозы Ф.М. Достоевского 40-50-х годов XIX века в контексте смены нарративных принципов эпохи» посвящена исследованию заглавий и окказиональных жанровых форм и их определений, указанных в позиции подзаголовка к произведениям Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов. Заглавия изучаются в качестве рамочных компонентов, репрезентирующих особенности становления культурно-семиотического пространства сочинений писателя в контексте тенденций времени. Черты окказиональных жанров анализируются, опираясь на нарративную структуру сочинений писателя.

В *первом разделе* «Развитие русской литературы в 1840-50-годы и становление нарративности» рассматриваются принципы повествования, сюжетной событийности и их развитие в русской литературе эпохи 1840-50-х годов. Основным фактором, «запустившим» эволюционный процесс в историко-литературной ситуации 1840-50-х годов, становится изменение способов организации произведения, связанных с появлением активной повествовательной инстанции, не тождественной автору. Многие исследователи¹² открывают в русской литературе 1840-50-х годов исторически целесообразное стремление акцентировать художественную функцию субъекта рассказывания и процесса рассказывания, обусловившее начало нового периода в развитии русской литературы.

В современном литературоведении актуален подход к произведениям повествовательных жанров как к культурному факту, представляющему собой единство референтного содержания с композиционными особенностями разворачивающегося процесса рассказывания, что выдвигает на первый план две нарративные категории — событие и точку зрения. При чем в понимании разных исследователей наиболее фундаментальной для

¹²Аверинцев, С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С.С. Аверинцев [и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М.: Наследие, 1994. — С. 3-38; Виролайнен, М.Н. Четыре типа русской словесной культуры (исторические трансформации) : дис. ... д-ра филол. наук / М.Н. Виролайнен. — СПб., 2005. — 450 с.; Смирнов, И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры / И.П. Смирнов. — М.: Аграф, 2000. — 544 с.; и др.

нарратива является то одна, то другая категория¹³. Однако в историко-литературной перспективе нарративные точки отсчета менялись в зависимости от культурно-исторической конъюнктуры. Противопоставление основных категорий нарратологии — события и точки зрения — может быть актуальным лишь тогда, когда произошло детальное осмысление двойственного единства художественного повествовательного пространства. Подобное неотрефлексированное единство, свойственное синкретическому периоду развития литературы, в процессе эволюции дифференцировалось относительно центрального действующего лица и авторской интенции по двум направлениям — референтной спецификации (развитие вещественно-деятельностной части первоначального симбиоза¹⁴) и словесно-изобразительной репрезентации. Степень культурно-исторической актуальности одного из данных направлений обуславливала подчинение слова событию или наоборот.

В эпоху же 40-50-х годов XIX века актуальной категорией повествования становится именно точка зрения как фокус изображения событий произведения, основной функцией которого становится формирование новых (в историко-литературном контексте) семиотических границ художественного мира. 40-50-е годы XIX века для русской литературы становятся периодом, когда закономерности вербального мира обретают самостоятельную значимость и автор, осваивая / создавая их, начинает «входить» в текст разными способами, зависящими от открывающихся в произведении новых семиотических границ. Одним из значимых для эволюции литературы результатов оказалась фигура рассказчика — пограничный семиотический феномен, олицетворяющий собой саму возможность смыслового членения, альтернативного сюжетной событийности, — по границам, характерным для процесса рассказывания. Именно эти культурно-исторические трансформации можно считать для русской литературы событиями, обусловившими эволюционный скачок, сделавший ее явлением мирового уровня: на фоне заимствованных (и творчески, и нетворчески) результатов развития западной литературы открытие нарративной ипостасности вербального мира стало собственным органичным эволюционным шагом, за которым последовало создание русского романа — национального культурного факта, имеющего мировую значимость.

Указанные культурно-исторические трансформации, свидетельствующие о создании новых семиотических границ, организующих взаимодействие смыслов между реальностью художественного мира и действительностью, одновременно с эстетической автономизацией уровня собственно наррации способствуют началу процесса формирования новой художественной событийности, ставшей впоследствии событийностью классического типа.

¹³ Например, для В. Шмида это точка зрения, для В.И. Тюпы — событие (см.: Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.; Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) / В.И. Тюпа. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001. — 58 с.).

¹⁴ Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. — М.: Лабиринт, 1997. — 448 с.

Второй раздел «Система заглавий прозы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов как культурно-семиотическое пространство» посвящен реконструкции культурно-семиотических тенденций прозы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов на материале заглавий его произведений, созданных в этот период.

Рассмотрение сочинений отдельного автора в диссертации происходит на основе тех черт его творчества, которые в эксплицитной форме отражают сложное взаимодействие индивидуально-творческих интенций и важных на культурно-историческом фоне эволюционных трансформаций литературного пространства эпохи. Поэтому в центре исследовательского фокуса опять оказывается заглавие художественного произведения как граничный компонент, тесно связанный с авторским пониманием реализуемого в произведении замысла, с реализовавшейся организацией внутритекстового семиотического пространства, с формированием читательского ожидания и, вместе с тем, с культурно-исторической конъюнктурой.

В работе были проанализированы заглавия тринадцати произведений Ф.М. Достоевского, созданных в переломный для развития русской литературы период 1840-х годов: «Бедные люди» (1846), «Двойник. Приключения господина Голядкина» (1846), «Господин Прохарчин» (1846), «Роман в девяти письмах» (1847), «Хозяйка» (1847), «Ползунков» (1848), «Слабое сердце» (1848), «Чужая жена и муж под кроватью (*Происшествие необыкновенное*)» (1848), «Честный вор (*из записок неизвестного*)» (1848), «Елка и свадьба (*из записок неизвестного*)» (1848), «Белые ночи. Сентиментальный роман (*Из воспоминаний мечтателя*)» (1848), «Неточка Незванова» (*История одной женщины*)» (1849), «Маленький герой (*Из неизвестных мемуаров*)» (1849), — и два, — появившиеся в 1850-е годы, сразу после ссылки: «Дядюшкин сон (*Из мордасовских летописей*)» (1859), «Село Степанчиково и его обитатели. *Из записок неизвестного*» (1859).

Для соблюдения методологического и логического единства выводов исследование заглавий произведений Ф.М. Достоевского проводилось с помощью метода графосемантического моделирования и по тем же критериям, что и при изучении выборки заголовков, репрезентирующей общие культурно-семиотические тенденции рассматриваемого периода.

Обработка заглавий позволила выявить следующие группы культурно-исторических смыслов, оказавшиеся актуальными и для раннего творчества писателя: «литературные приемы» (частотность 10 %, валентность 8); «литературность» (10 %, 5); «характеристики» (9 %, 7); «межличностно-коммуникативные отношения» (9 %, 6); «организация произведения» (8 %, 6); «эмоционально-чувственные состояния» (6 %, 4); «мужское начало» (5 %, 3); «духовно-психические состояния» (5 %, 1). Поля «универсализация» (4 %, 3); «ономастикон персонажей» (3 %, 2); «культурное пространство» (2 %, 1) имеют валентность, показатель которой выше статистического порога значимости, но частота встречаемости их в семиотическом пространстве раннего творчества Ф.М. Достоевского невелика. Поле «семейные отношения», напротив, обладает значимой частотностью (6 %), но не образует связей достаточной силы.

Изучение системы заглавий произведений писателя этой поры показало совпадение эволюционно активных категорий эпохи и индивидуально-творческого пространства начинающего автора. Творчество Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов, вобрав в себя наиболее характерные черты переходного времени, оказалось источником развития самых продуктивных культурно-исторических тенденций.

Так, на первый план в произведениях Достоевского вышел литературно-художественный прием, ставший на разных уровнях художественной реальности центрообразующим фактором. Он организует собственно нарративный уровень, персонифицируясь в виде героя-рассказчика, реализующегося исключительно с помощью слова, тем самым формируя востребованные эпохой способы опосредования авторского замысла в художественном мире (по сути, утверждает эстетическую самоценность повествовательной стихии). Словесно-художественный прием, кроме того, оказывает влияние на сюжетно-событийную структуру произведения, определяя особенности изображаемого событийного пространства. Культурно-семиотическая система прозы Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов демонстрирует тесную взаимосвязь между собственно повествованием и сюжетным рядом как онтологически соотносимыми художественными феноменами. Личностное пространство героя, межличностно-коммуникативные отношения персонажей и другие компоненты событийного уровня предстают, прежде всего, в качестве словесной реальности, в которой действуют законы диалога и имеют большую власть правила, по которым создаются словесно-литературные приемы. С другой стороны, сфера художественных приемов становится источником появления новой аксиологии, в соответствие с которой формируются ценностные ориентиры создаваемого художественного мира. Повышенная семантическая активность приема оказывается также основой для появления новых способов исследования человеческого характера, внутреннего мира и причинно-следственной зависимости между внутренними состояниями человеческой души и внешними эмоциональными проявлениями, реализацией в поступках.

Изменение статуса слова в художественном мире (оно переходит в ряд самостоятельных предметов изображения, не переставая быть материалом для создания реальности произведения) задает вектор трансформации границ сюжетного события: собственно повествование и сюжет стремятся значимо смешиваться уже в качестве осознанных автономных уровней художественного произведения, что оказывает влияние на развитие и сюжетных линий и процесса рассказывания истории.

В раннем творчестве Ф.М. Достоевского происходит предельное заострение влияния эстетико-литературных принципов, обусловленное личностными причинами, отождествлением собственного становления как автора с реализующимися в его произведениях художественными закономерностями. Потому созданные писателем персонажи в каждом произведении пытаются утвердить свою способность к творчеству параллельно с утверждением и становлением пространства художественного произведения, из незначительного, безликого существа они превращаются в творца художественной реальности, духовно и эмоционально растворяются в этой реальности и уничтожаются вместе с ней.

В *третьем разделе* «Окказиональные определения жанров и новые принципы повествовательности и событийности в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов» исследуется проблема становления актуальных для эпохи черт нарративности в экспериментальных авторских формах жанра.

Окказиональными авторскими формами жанра в диссертационном исследовании считаются такие жанры, определения которых не просто выражают новое понимание формальных и содержательных характеристик существующих жанров, а преобразовываются автором на уровне внешне-словесного облика. В данном случае происходит полный пересмотр используемого жанра, создание его заново вместе с произведением. Именно в процессе такого творческого пересмотра жанровое определение индивидуализируется, ассоциируется с конкретным произведением (встраивается в заголовок), а нормативная способность жанра (в качестве «памяти жанра») становится имманентным основанием для объединения произведений в группы по новому типизирующему жанровому признаку.

Поэтому в работе рассмотрены авторские определения жанра, для которых Достоевский использовал не закреплённый в жанровой традиции формулировки. К данным жанровым новообразованиям были отнесены «приключение / происшествие необыкновенное» («Двойник. *Приключение господина Голядкина*»¹⁵), «Чужая жена и муж под кроватью (*Происшествие необыкновенное*)», «история одной женщины» («Неточка Незванова. *История одной женщины*»¹⁶), «воспоминания мечтателя» («Белые ночи. Сентиментальный роман (*Из воспоминаний мечтателя*)»), «неизвестные мемуары» («Маленький герой (*Из неизвестных мемуаров*)»), «записки неизвестного» («Честный вор (*Из записок неизвестного*)»), «Елка и свадьба (*Из записок неизвестного*)», «Село Степанчиково и его обитатели. *Из записок неизвестного*»).

В целом, жанровая рефлексия, позволяющая писателю экспериментировать с литературным каноном (как бы напрямую влиять на литературную традицию), касалась *двух наиболее фундаментальных ориентиров* в построении пространства художественного произведения. Прежде всего, *это формирование образа рассказчика*, который вовлекается в повествовательное пространство как полноценное действующее лицо, именно его активность делает процесс повествования одним из основных предметов изображения. Отсюда возникает необходимость художественного различения двух актуализировавшихся типов происшествий, случающихся с героями, одно из них — рассказывание, делающее реальным героя-нарратора, другое — *сюжетные события*, о которых рассказывается и которые представляют собой второй ориентир при создании художественного мира.

Самой частотной авторской номинацией жанра в творчестве Ф.М. Достоевского 40-50-х годов XIX века становятся «записки неизвестного»,

¹⁵В этом случае был восстановлен жанровый подзаголовок, с которым «Двойник» вышел в «Отечественных записках» в 1846 году.

¹⁶Подзаголовок журнального варианта 1849 года.

т.е. изображение процесса создания словесного произведения, перекодировки некоторых событий в слово является важной проблемой, которую писатель пытается осмыслить с жанровой точки зрения.

Осмысление процесса повествования как важного элемента художественного мира произведения, равноценного описываемым событиям, — это тенденция времени, обозначившая проблему, относительно которой все остальные культурно-семиотические процессы обретают собственную историко-литературную конкретику. В данном контексте Ф.М. Достоевский оказывается вовлеченным в общее эстетико-литературное пространство эпохи в качестве одного из основных действующих лиц, формирующих направления назревших культурных изменений. Разработка границ образа рассказывающего героя связана с еще одной актуальной и для обозначенной эпохи, и для индивидуальных исканий Ф.М. Достоевского проблемой — созданием нового представления о писателе, о творце художественного мира. Актуальными для молодого автора вариантами жанровых номинаций становятся те, которые уточняют образ рассказчика в связи со спецификой осуществления творческого акта: «неизвестные мемуары», «история одной женщины» и «воспоминания мечтателя». Акцент на изображении слова в процессе его трансляции адресату и героя, совершающего творческое воссоздание мира и событий в слове, в указанных случаях подвергается автором жанровому «закреплению» (ситуативному) потому, что начинает им восприниматься как способ регламентации отношений между художественной и внехудожественной реальностями.

«Записки неизвестного» в этом отношении стали для Ф.М. Достоевского жанровой формой, наиболее оптимальной для реализации экспериментальных художественных замыслов, т.к. предполагаемое ею соотношение субъекта рассказывания и изображаемого мира допускает настолько разные варианты сюжетного развития, что они могут вместить в себя основные интенции других окказиональных жанров, востребованных писателем в это время.

Зачастую в центре развития сюжета оказывается процесс перехода героя-участника событий в категорию рассказчиков-творцов словесной реальности и связанные с этим переходом трансформации образа повествующего персонажа — потери им прежних характерных для него черт и полное слияние с создаваемым миром, превращение в «героя-слово» (наиболее показателен в этом отношении роман «Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного»). Эволюция подобного персонажа связана с осознанием собственных ошибок, несовершенств, что на собственно повествовательном уровне совпадает с развитием всего создаваемого с помощью слов мира (отсюда аналогия: рассказчик — герой-слово, образ которого совпадает с рассказанным им художественным миром). Кроме того, в качестве повествующей инстанции подобный персонаж оказывается способен видеть альтернативные варианты развития изображаемого мира и демонстрировать их в процессе повествования («Честный вор», «Елка и свадьба»).

Указанное сложное соотношение двух нарративных уровней художественного произведения определяет и особенности формируемого в ран-

нем творчестве Ф.М. Достоевского события, составившего характерный для дальнейшего развития писателя сюжет и, в целом, обуславливающего черты классической для русской литературы событийности. Разработка новых для эпохи границ и функций сюжетного события происходило в таких окказиональных жанрах, как «происшествие / приключение необыкновенное», «история одной женщины», «воспоминания мечтателя», «неизвестные мемуары», рефлексия над которыми осуществлялась начинающим автором при создании произведений «Двойник», «Чужая жена и муж под кроватью», «Неточка Незванова», «Белые ночи», «Маленький герой».

В силу того, что центральные герои данных произведений являлись теми образами, которые способствовали соединению в художественное единство двух автономизировавшихся нарративных уровней произведения (одновременно и рассказчиками, и действующими лицами были Неточка Незванова, мечтатель, выросший «маленький герой»; опосредованный «доступ» к плану повествования имели Голядкин I и II, Иван Андреевич Шабрин), именно их событийная эволюция обуславливала специфику развития и сюжета, и собственно наррации. Прежде всего, событийная линия всегда развивается на фоне ложного событийного ряда, при этом реальные события произведения вызывают у героев крайнюю степень потрясения и ставят перед необходимостью поиска отличий ложного и настоящего сценария происходящих действий, а вместе с тем и мира, ценностей, собственной личности.

Начало личностной самоидентификации в сочинениях Ф.М. Достоевского связано с вербальной деятельностью персонажа, он в процессе поиска истины о себе и мире начинает создавать свои истории и, как следствие, переосмысливать, пересоздавать свою историю, самого себя и мир вокруг себя. Так, каждый шаг подобного пересоздания и провоцируется новым событием, случающимся в художественном мире, и порождается им. Подобное структурное соотношение сюжетных метаморфоз образа героя и собственно повествовательного уровня, на котором функционирует рассказывающая инстанция, актуализирует еще одну решаемую и Ф.М. Достоевским, и всей эпохой перемен 1840-50-х годов эстетическую проблему — создания нового образа писателя, творца художественного мира и, в целом, онтологии художественного творчества.

В третьей главе «Становление мифоонтологии творчества в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-1850-х годов» осуществлено описание мифоонтологической концепции творчества, формирующейся в произведениях данного автора, как варианта решения эпохальной проблемы поиска новой художественной онтологии.

Основной задачей *первого раздела* «Произведения Ф.М. Достоевского 1840-х годов: мифоонтология эстетики» является рассмотрение мифологических закономерностей, определяющих основные эстетические тенденции ранних произведений писателя.

Началом, организующим содержательно-смысловое пространство художественного мира произведений Ф.М. Достоевского, выступают архаические тенденции, которые на сюжетном уровне зачастую актуализируются посредством подглядывания (Ордынов подглядывает в щелочку за

Муриным и Катериной; «неизвестный» наблюдает за сценой, выявляющей соперничество из ревности между Юлианом Мастаковичем и сыном гувернантки и т.п.). Ситуация подглядывания в сочинения писателя имеет двойную функцию. С одной стороны, автор выдвигает позицию подглядывающего в качестве фактора, позволяющего по-новому понять идею демиургичности творчества: вскрыть неявные законы, организующие бытие (эстетически важный принцип «тайны»), спрятать «рожу сочинителя» и явиться медиумом, транслятором изображаемых событий. С другой стороны, ситуация подглядывания, в силу архетипичности, провоцирует активизацию архаических содержательно-смысловых пластов текста, что одновременно увеличивает присутствие хтонических тенденций. Данное обстоятельство не только объясняет восприятие Достоевского как «жесточкого таланта», но и указывает на генетическую связь личного мифа о творце писателя с древнейшими космогониями, представляющими процесс рождения мира как саморазрушение творца (миф об Адаме Кадмоне, Тиамат, Пуруше и т.п.).

Данное обстоятельство диктует принципы, в соответствии с которыми выстраивается скрытый сюжет, и способствует (осознанному или нет) проявлению творческого самосознания автора в фактуре текста. Именно поэтому столь часто изображаемая ситуация творения (в сюжете произведения совпадающая с литературным трудом) соотносится с космогонией и обуславливает необходимое для любого космогонического процесса присутствие фундаментальных бинарных оппозиций.

Начало космогонии зачастую представлено в виде двух вариантов: 1) соединение мужского и женского божества и 2) деятельность близнецов, демиурга и трикстера. В первом случае актуализируется взаимонаправленность противоположных начал, разрешающаяся единым творческим импульсом. Второй вариант акцентирует обратную векторность, соотношение «демиург — трикстер» изначально распределяет сферы творческого влияния. В раннем творчестве Ф.М. Достоевского нашли отражение оба варианта. Причем, в сочинениях писателя они представлены в сложном соотношении, иллюстрирующем неоднозначность и нелинейность творческой ситуации. Так, в сугубо поляризованном виде идея бинарности представлена в произведениях «Двойник» (Голядкин-старший и Голядкин-младший); «Роман в девяти письмах» (образы Ивана Петровича и Петра Иваныча). Несколько менее очевидно, но объективно на функциональном уровне, соотносятся в качестве двойников: Василий Ордынов / купец Аleshа (в рамках мифологического пласта бытия) / Ярослав Ильич (в «реальном мире»); Ефимов / Карл Федорович / С-ц; и т.п.

В рамках закономерностей, диктуемых мифологической логикой, бинарные оппозиции, рассматриваемые в качестве центрального принципа организации мира, обуславливают возможную двунаправленность космогонического процесса: прогрессивную (поступательное развитие) и регрессивную (деградация). Включаясь в творческий процесс, герой произведений Достоевского с неизбежностью сталкивается с ипостасностью бытия, обусловленной бинарностью его структуры. Острое ощущение напряжения, возникающего вследствие взаимодействия противоположных

принципов духовного и материального порядка, создает стимул для творческой реализации (например, ощущение своей социальной маргинальности, соединяясь с проснувшимся чувством любви, делает необходимым для Макара Девушкина переписку с Варенькой). А неспособность героя объединить их в гармоничное единство объясняет регрессирующую динамику соотношения данных оппозиций в процессе творчества. Регрессирующие космогонические тенденции способствуют исчезновению дифференциальных признаков художественного космоса, т.к. по мере структурирования мира героя-творца не происходит закономерного преодоления элементов хаоса, а напротив, появляются факторы, стимулирующие активность хтоноса.

Во *втором разделе* главы, называемом «Произведения Ф.М. Достоевского 1840-х годов: физиологическая мифоонтология», предпринята попытка рассмотрения факторов, препятствующих полноценной гармонической реализации потенциала героя-творца.

Герой-творец, изображаемый Ф.М. Достоевским в силу имманентной направленности на реализацию имеющегося у него творческого потенциала, обладает специфической природой, способной онтологизировать все возможные модели отношений с другими персонажами. Эмпирический материал дает основания говорить о том, что доминирующим качеством такого героя является андрогинность, т.к., предполагая принципиальное несовпадение с любым однозначным проявлением творческой векторности, она увеличивает вариативность состояний творца. Данное обстоятельство объясняет возможную разноречивость протекания созидательного процесса.

Андрогинность присуща многим персонажам Ф.М. Достоевского, пытающимся реализовать посредством творчества (Макар Девушкин, уже в силу семантики фамилии; Мечтатель, характеризующий себя как «существо среднего рода»; и т.д.). Присутствие двойственных интенций, связанных с изначальной творческой универсальностью героев (андрогинностью), под воздействием разнообразных факторов оборачивается стремлением к однозначности, к обретению границ в известных, принятых формах. Но зачастую такая оформленность становится инверсированностью, способствующей вырождению андрогинности в гомосексуальность (на подобного рода отношения между переписывающимися персонажами указывает, например, название рассказа «Роман в девяти письмах»: эпистолярный роман предполагает именно переписку влюбленных). Вырождение андрогинной гармонической природы в гомосексуальную, неспособную к конструктивному поступательному развитию, способствует росту хтонических тенденций и форм, приводящих к гибели героя-творца и его мира.

В произведениях Ф.М. Достоевского присутствуют своеобразные «точки бифуркации», стимулирующие вариативность протекания изображаемого творческого процесса. На уровне сюжета они совпадают с ситуациями испытания героя. Одним из подобных компонентов семантического пространства произведений писателя является тема соблазна, которая зачастую дана в качестве исходного состояния героя или представлена в

виде персонажей-соблазнитель. Соблазненное женское начало на уровне космогонии является наиболее соответствующим первичному состоянию изображаемой действительности и дает импульс для развертывания творческого процесса (Варенька Доброселова, Катерина из «Хозяйки» и т.п.). Векторность протекания творческого процесса определяется чередой соблазнений самого героя-творца (повесть «Слабое сердце», в которой Вася Шумков «выбирает» между Юлианом Мастаковичем и Лизой). Специфика соблазнений связана с качествами обольстителей. В работе выделено два основных типа подобных персонажей: 1) стимулирующие творческий потенциал героя (Емельян Ильич, Зимовейкин и т.п.) и 2) препятствующие проявлению творческого потенциала (его превосходительство, Юлиан Мастакович и т.п.).

Специфической чертой героев-соблазнитель, положительно влияющих на характер развития творческих способностей центральных персонажей произведений Ф.М. Достоевского, является пристрастие к алкоголю. Пьянство становится носителем дополнительных мифологических значений, выводящих данное явление в онтологическую сферу. Но приобщение к изначальному креативному состоянию мира посредством опьянения свойственно лишь героям-творцам. Состояние хмельной инверсии либо способствует эпизодическому всплеску их творческого потенциала (Макар Девушкин, Голядкин, Прохарчин, Ползунков), либо выявляет их творческое бессилие (Ордын). Когда же действие алкоголя перестает напоминать об изначальном первоединостве мира (посредническая функция вина), персонаж абсолютно теряет способность к самостоятельному творчеству, пьянство становится для него имманентным, приобретает статус постоянной характеристики и вытесняет все другие, в том числе, креативные состояния (Емеля, Зимовейкин, Ефимов). Такие персонажи в произведениях Достоевского выполняют провоцирующую функцию.

Важной составляющей онтологии творчества в произведениях писателя становятся инцестуальные отношения. Инцест — необходимая фаза любого космогонического процесса. С точки зрения мифологической логики на ранних стадиях развития космоса инцест выполняет конструктивную эволюционную функцию. Когда же космос имеет уже достаточно дифференцированную структуру, инцестуальные отношения становятся фактором, тормозящим развитие мира, т.к. возвращают его к исходной точке, порождая многочисленные гератоморфные существа. В сочинениях Ф.М. Достоевского инцест выполняет важную сюжетобразующую функцию. Инцестуальные отношения просматриваются: в «Романе в девяти письмах» (между Иваном Петровичем и его женой Татьяной Петровной); в «Хозяйке» (Катерина — Мурин, Катерина — Ордын); в «Неточке Незвановой» (Неточка и ее отчим).

Еще одной значимой частью исследуемой концепции творчества является свадьба. С точки зрения космогонической логики это событие сопоставимо с созданием мира (посредством корреляции микро — и макрокосма), т.е. оно, по сути, есть поступательная реализация творческо-эротических потенциалов мира, усмиряющая деструктивный хаос. В произведениях Ф.М. Достоевского 1840-х годов подобное понимание существенно

переосмысливается. Наиболее показателен в этом отношении рассказ «Елка и свадьба», в котором свадьба из феномена, способствующего развитию космогонии, превращается в фактор, препятствующий этому процессу, и потому перевоплощается в морфологически схожее, но субстанционально противоположное явление — похороны. Антиразвитие происходит потому, что роль жениха исполняет герой, являющийся проводником хтонических сил — Юлиан Мастакович. Тема неосуществимой свадьбы, провоцирующей рост деструктивных тенденций, представлена также в «Двойнике»; в «Хозяйке»; в рассказе «Ползунков» и т.п. Тотальное нарастание деструктивных тенденций переориентирует векторность творческих интенций главных героев с витальной сферы в словесную.

Третий раздел «Произведения Ф.М. Достоевского 1850-х годов: трансформация мифоонтологического пространства» посвящен анализу изменений мифозстетических и мифофизиологических составляющих художественной космогонии, произошедших в сочинениях писателя «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» в 1850-е годы.

В 1850-е годы мифоонтологическое пространство двух новых, экспериментальных, сочинений писателя в общих чертах вмещает в себя ту же космогоническую схему, которая организовывала художественный мир его произведений 40-х годов XIX века, те же архетипические мотивы. Но при том, что глубинный архаический рисунок образов повторяется, данное возвращение используется Ф.М. Достоевским для переосмысления творческих интенций предшествующего периода. На новом этапе творческой саморефлексии и построения образа героя-творца в художественной реальности происходит принципиальное смещение источника космогонических интенций и, как следствие, изменение принципов взаимодействия конструктивных и деструктивных сил и деяний. Если на первом этапе писательской деятельности персонаж, пытающийся реализовать свой творческий потенциал, был единственным конструктивным центром разворачивающегося художественного мира, то теперь в рамках единого пространства проявляют творческую активность несколько самостоятельных субъектов, влияющих на становление художественной реальности (ср. Москалева, князь К. и Мозгляков; Ростанев, Опискин и Сергей Александрович).

Сложность в определении творческого центра делает неоднозначным и способы соотношения деструктивных и конструктивных интенций, продуцируемых всеми активными субъектами. Прежнее соотношение изображаемой творческой личности и ее двойников происходило по принципу борьбы космотворческих и энтропийных элементов мира, причем двойники, как правило, были причастны к хаосу и продуцировали разрушительные тенденции. В 1850-е годы данная противопоставленность теряет свою актуальность, т.к. каждый персонаж, оказывающий влияние на характер протекания космогонического процесса, может одновременно продуцировать и созидательные, и разрушительные интенции — как сознательно, так и под воздействием закономерностей художественной космогонии (ср. амбивалентность образов старого князя К., Фомы Фомича и т.п.).

В данном контексте меняются и принципы взаимодействия между героем-творцом и внешним миром: материально-телесная ипостась бытия

выходит за рамки однозначно губительной для творческой реализации сферы, меняют мифоонтологический статус сюжетные компоненты и образы, ранее увеличивающие энтропию и заставляющие творца демонстрировать свою слабость и неспособность выдержать свободу самореализации. Прежде всего, это касается свадьбы как такого мифоонтологического блока, который способен продемонстрировать космогоническую разноплановость эротической энергетики и гармонизировать ее собственно телесное и сублимированное духовно-психическое проявления.

В творчестве Достоевского 1850-х годов свадьба переходит из мифофизиологической группы факторов художественной космогонии в мифоэстетическую и начинает отражать универсальные закономерности художественной концепции молодого автора. Супружеское соединение выходит за пределы сугубо телесно-физиологических отношений (ср. со свадьбой Быкова и Вареньки из романа «Бедные люди», автореминисценции на который присутствуют в «Дядюшкином сне» и «Селе Степанчикове...»), перестает быть разрушительным фактором для духовных исканий и становления персонажа-творца. Напротив, свадьба превращается в искомое событие, стремление к которому, даже не увенчавшееся успехом, заставляет персонажа полностью переродиться.

Сущностные черты изображаемых свадебных отношений также меняются: первичным становится не событийность этого действия, а его словесно-знаковая природа. Связь с другими событиями обуславливается не столько логикой причинно-следственных связей между происшествиями, сколько закономерностями художественно-языкового приема, аллюзий, реминисценций и автореминисценций (ср. появление дара красноречия у персонажей «Дядюшкиного сна» в связи с мыслью о женитьбе князя К. или череду реминисценсных образов, связанных с женитьбой, в «Селе Степанчикове...» и т.д.). Поэтому свадьба с точки зрения законов организации художественного пространства в 1850-е годы становится в позицию централизирующего образа, объединяющего собственно событийный, нарративный, художественно-языковой, мифоонтологический планы произведения.

Причастность к истории о свадьбе становится для героев импульсом к самореализации, причем в качестве непосредственного участника или свидетеля события, — не имеет однозначно положительного или отрицательного значения для мифоонтологии, т.к. в любом случае персонаж оказывается вовлечен в космогонию как активное действующее лицо. С указанных позиций теряет актуальность и проявление творческой слабости персонажа, она перестает быть мифоонтологическим синонимом творческого истощения, бесплодия или неспособности гармонизировать противоположные по направленности космогонические стихии.

Изменяется само представление о творческом процессе, являющемся наряду с сюжетными событиями предметом изображения в произведении. Репрезентация противоположных членов основных мифологических оппозиций в виде отдельных персонажей становится неактуальной, все мифоонтологические двойники предстают в качестве самостоятельных участников космогонии, способных создать свой собственный мир; в простран-

стве же произведения их творческая активность утверждается или дискредитируется в форме явного или скрытого спора, который на мифоонтологическом уровне трансформируется в соперничество за право реализации своего творческого потенциала. Индивидуальная творческая интенция сталкивается теперь с аналогичными интенциями других героев, а художественный космос творится на основе диалога, спора творцов разного типа. Любой персонаж, пытающийся утвердиться как творческая личность, одновременно способен и укрепить, и разрушить основания для творческого самовыражения другого творца, но даже при трагическом исходе индивидуальной судьбы героя (например, смерть князя К., учителя Васи) художественная космогония не меняет конструктивного вектора, диалог не останавливается. Основой же для гармонизации противоположных космогонических интенций и проявления их в качестве равноправных вариантов творчества становится амбивалентное пространство карнавальной традиции.

В Заключении работы сделаны основные выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования.

Эстетико-онтологические трансформации, произошедшие в 1840-50-е годы в культурном пространстве России, предопределили интеграцию русской литературы в мировой литературный процесс. Осуществленный в диссертации подход к исследованию позволил проанализировать литературную ситуацию этих лет по двум противоположным, но значимым для любого «культурного взрыва» основаниям. Во-первых, как пространство семиотических трансформаций; во-вторых, как становление и эволюцию творчества отдельного автора — Ф.М. Достоевского, — сочинения которого рассмотрены как наиболее показательные для эпохи перемен литературные факты.

Творческие усилия Ф.М. Достоевского в 1840-50-е годы, направленные на собственное становление как писателя, на выработку художественных приемов, идей, способов организации пространства произведения, совпали с аналогичными процессами в культуре этого периода.

Эксплицированное на материале репрезентативной выборки заглавий произведений 1840-50-х годов состояние эпохального семиозиса продемонстрировало, что, в целом, все трансформации переходного изученного периода свидетельствуют о преодолении моносемиотичности художественной реальности, о приобретении ею способности порождать разные по направленности интенции, сосуществующие как одинаково возможные и одинаково имеющие способность влиять на развитие событий, не разрушая единство мира художественного произведения.

В творчестве Ф.М. Достоевского указанный принцип, названный М.М. Бахтиным диалогичностью, проявился наиболее явно. Реализация диалогичности в качестве основания, структурирующего художественный мир, обусловлена тем, что для Ф.М. Достоевского в отличие от общепохального культурно-исторического контекста главной оказалась не необходимость поиска нового способа организации литературных произведений (это стремление в силу всеобщей важности становится перманентным), а освоение всего конструктивного и мирообразующего потенциала художественного слова.

В данной связи самым важным контекстом, стимулирующим личное творческое развитие и эпохальный семиозис, в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов становится собственно нарративный план, репрезентируемый повествовательным субъектом, речевая позиция которого не совпадает ни с позицией автора, ни с мнением главного героя (даже когда рассказчик и центральный персонаж являются одним и тем же лицом).

В качестве второго аналогичного контекста выступает мифоонтологическое пространство произведений писателя. В основе мифоонтологии Достоевского лежит архетипическая космогоническая схема, обуславливающая развитие сюжета произведений. Центральные персонажи, поняв ложность ценностей социальной реальности, в которой они обитают, оказываются перед имманентной, предопределенной космогонической логикой необходимости утверждать себя в качестве творца, в связи с чем проходят испытание на способность / неспособность реализовать свой творческий потенциал.

Проведенное исследование соотношения направлений семиозиса эпохи 1840-50-х годов и индивидуально-творческой системы Ф.М. Достоевского открывает перспективы для дальнейшей работы. Продуктивным является расширение материала исследования для уточнения картины культурно-семиотических тенденций, уходящих и появляющихся в 1840-50-е годы; введение в число изучаемых культурных текстов заглавия лирических и драматических произведений. Возможно соотнесение данных по выборкам заглавий, репрезентирующих культурно-семиотические тенденции в разных родовых группах, для уточнения особенностей развития эпохи, лирики и драмы в рассматриваемый период, а также изучение других культурно-исторических эпох по разработанным в диссертации основаниям.

Перспективно исследование не затронутых в работе новых нарративных границ в творчестве Ф.М. Достоевского, актуализировавшихся в связи с переосмыслением нарративных функций автора, рассказчика и героя, а также в связи с возникновением значимого со-/ противопоставления собственно повествовательного и событийного планов, а именно: изучение особенностей начальных и финальных эпизодов для осмысления способов преодоления границы между нелитературной и литературной реальностями и закрепленных за этими структурными локусами семиотических тенденций; анализ внутритекстовых ситуаций смены идеологических, фразеологических, композиционных и др. точек зрения и экспликация логики членения ими событийного и нарративного пространств произведений; и т.п.

Кроме того, важным элементом при изучении взаимовлияния семиозиса эпохи и становления индивидуальных творческих систем является соотнесение литературного наследия авторов, имеющих различающиеся особенности эстетики и поэтики, но на равных участвующих в процессе перехода русской литературы в разряд культурных феноменов общемирового значения, а также писателей историко-литературного «фона».

По теме диссертации всего издано тридцать восемь научных работ.

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Зелянская, Н.Л. Законы построения биографии творца, или О гранях концепта творчество (на материале биографического текста Ф.М. Достоевского 1840-х годов) / Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2004. — № 11. — С. 75-82.

2. Зелянская, Н.Л. Аксиологическая и гносеологическая активность литературоведческих категорий в пространстве рецепции (экспериментальный аспект) / Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 11. — С. 40-51.

3. Зелянская, Н.Л. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологических исследованиях / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 8. — С. 40-46.

4. Зелянская, Н.Л. Культурогенность как принцип структурирования смыслового пространства художественного текста / Н.Л. Зелянская, К.И. Белоусов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 11. — С. 117-128.

5. Зелянская, Н.Л. Основные семиотические тенденции прозы 40-х годов XIX века / Н.Л. Зелянская // Сибирский филологический журнал. — 2007. — № 4. — С. 36-47.

6. Зелянская, Н.Л. Культурно-семиотические тенденции русской прозы 1850-х годов / Н.Л. Зелянская // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 4. — С. 40-51.

7. Зелянская, Н.Л. Имя автора как знак художественной реальности (на материале романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди») / Н.Л. Зелянская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 1. — С. 52-56.

8. Зелянская, Н.Л. Конститутивные черты окказионального жанра «присшествие необыкновенное» («Чужая жена и муж под кроватью» Ф.М. Достоевского) / Н.Л. Зелянская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 37 (138). — Вып. 28. — С. 58-62.

9. Зелянская, Н.Л. Моделирование понятийного потенциала термина заглавие / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2008. — № 4 (8). — С. 62-71.

Монографии:

10. Зелянская, Н.Л. Мифоонтология писательства. Федор Достоевский: творческий путь до эшафота / Н.Л. Зелянская. — Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. — 111 с.

11. Зелянская, Н.Л. Достоевский и семиосфера русской прозы. Творчество Ф.М. Достоевского 1840-50-х годов в контексте культурно-семиотических тенденций эпохи / Н.Л. Зелянская. — Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2009. — 352 с.

Другие основные публикации:

12. Зелянская, Н.Л. Архетипический пласт, организующий сюжетное развитие в рассказе Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» / Н.Л.

Зелянская // Человек — коммуникация — текст : сб. ст. / под ред. А.А. Чувакина и др. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2000. — Вып. 4. — С. 312-319.

13. Зелянская, Н.Л. Архетипический пласт повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» / Н.Л. Зелянская // Текст: структура и функционирование : сб. ст. / под ред. В.А. Пищальниковой и др. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. — Вып. 5. — С. 120-126.

14. Зелянская, Н.Л. Синергии текста: архетип — форма — структура / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. Материалы второй школы-семинара : сб. ст. / под ред. В.А. Пищальниковой и др. — Барнаул : Изд-во ААЭН, 2001. — С. 93-99.

15. Зелянская, Н.Л. Геронтомания Ф.М. Достоевского (четыре старухи в романе «Бедные люди») / Н.Л. Зелянская // Текст: структура и функционирование : сб. ст. / под ред. В.А. Пищальниковой и др. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2002. — Вып. 6. — С. 138-144.

16. Зелянская, Н.Л. От елки к свадьбе, или Художественные перспективы «подсмотренной реальности» (по рассказу Ф.М. Достоевского «Елка и свадьба») / Н.Л. Зелянская // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста. Материалы VII межвузовской научно-практической конференции : сб. ст. / под ред. П.Е. Суворовой и др. — Бийск : НИЦ БПГУ, 2002. — Вып. 7. — Ч. 1 : Литературоведческий аспект. — С. 89-91.

17. Зелянская, Н.Л. Эстетико-онтологические основания раннего творчества Ф.М. Достоевского : автореф. ... канд. филол. наук / Н.Л. Зелянская. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. — 18 с.

18. Зелянская, Н.Л. Ситуация подсматривания как катализатор творческих интенций в художественном пространстве ранних произведений Ф.М. Достоевского / Н.Л. Зелянская // Текст: структура и функционирование : сб. ст. / под ред. С.М. Козловой и др. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. — Вып. 7. — С. 205-215.

19. Зелянская, Н.Л. Мифоонтология творчества в ранних произведениях Ф.М. Достоевского / Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации. Материалы IX межвузовской научно-практической конференции : сб. ст. / под ред. Н.А. Гузь и др. — Бийск : НИЦ БПГУ, 2004. — Вып. 9. — С. 129-134.

20. Зелянская, Н.Л. Некоторые аспекты теории анализа текста / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции : сб. ст. / под ред. А.В. Кирьяковой. — Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2004. — С. 36-42.

21. Зелянская, Н.Л. Применение количественных методов в курсах дисциплин исследовательско-филологического цикла / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Языковая картина мира: Лингвистический и культурологический аспекты. Материалы II Международной научно-практической конференции / сб. ст. / М.Г. Шкуропацкой и др. — Бийск : НИЦ БПГУ, 2004. — Т. 1. — С. 75-79.

22. Зелянская, Н.Л. Филологическая рецепция литературного факта: экспериментальное изучение и моделирование / Н.Л. Зелянская // Кванти-

тативная лингвистика: исследования и модели (КЛИМ — 2005). Материалы Всероссийской научной конференции : сб. ст. / под ред. А.А. Поликарпова и др. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, — 2005. — С. 61-72.

23. Зелянская, Н.Л. Образ классика как становящийся феномен (к проблеме механизмов культурной деривации) / Н.Л. Зелянская // Актуальные проблемы современного словообразования. Труды Международной научной конференции : сб. ст. / под ред. Л.А. Араевой и др. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. — С. 51-55.

24. Зелянская, Н.Л. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды X межвузовской научно-практической конференции : в 2-х ч. : сб. ст. / под ред. В.А. Акимова и др. — Бийск : РИО БПГУ, 2005. — Вып. 10. — Ч. 1. — С. 50-56.

25. Зелянская, Н.Л. Свадьба в мифоонтологическом пространстве произведений Ф.М. Достоевского 1840-х годов / Н.Л. Зелянская // Филологические чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции : сб. ст. / под ред. А.В. Кирьяковой. — Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. — С. 211-216.

26. Зелянская, Н.Л. Соблазнение как принцип мифоонтологии творчества в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-х годов / Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 12. — Ч. 1. : Гуманитарные науки. — С. 213-217.

27. Зелянская, Н.Л. *L'albatros vs. Альбатрос*: концепции текста в культурном пространстве / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская, И.В. Наумов // Критика и семиотика. — 2006. — Вып. 9. — С. 36-50.

28. Зелянская, Н.Л. Персонаж-писатель как конструктивный центр художественного мира в произведениях Ф.М. Достоевского 1840-х годов / Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации. Труды XII Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. : сб. ст. / под ред. В.А. Акимова и др. — Бийск : Изд-во БПГУ им. В.М. Шукшина, 2007. — Ч. 1. — С. 249-254.

29. Зелянская, Н.Л. Ономастическая репрезентация автора в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» / Н.Л. Зелянская // Альманах современной науки и образования. — 2007. — № 3 : Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы : в 3 ч. — Ч. 1. — С. 89-92.

30. Зелянская, Н.Л. Культурно-семиотический потенциал заглавий художественных произведений (на материале творчества Ф.М. Достоевского 1840-х годов) / Н.Л. Зелянская // Филология и человек. — 2007. — № 2. — С. 78-89.

31. Зелянская, Н.Л. Герой времени: семиотика старости в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» / Н.Л. Зелянская // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Материалы X Виноградовских чтений : сб. ст. / под ред. С.А. Джанумова и др. — М. : Изд-во МГПУ, 2007. — Т. 2 : Фольклор и литература: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста. — С. 86-89.

32. Зелянская, Н.Л. Культурно-семиотическое пространство русской

прозы 1850-х годов в контексте трансформаций эпохальной эстетической парадигмы / Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2007 — № 11. — С. 28-35.

33. Зелянская, Н.Л. Влияние социокультурного пространства на критерии оценки литературного факта / Н.Л. Зелянская // Альманах современной науки и образования. — 2008. — № 2 : Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы : В 3 ч. — Ч. 1. — С. 92-95.

34. Зелянская, Н.Л. Русская проза 1850-х годов: моделирование процессов семиозиса / Н.Л. Зелянская // Вестник Воронежского государственного университета. — 2008. — № 1. — С. 46-54.

35. Зелянская, Н.Л. Заглавие текста как категория филологической рефлексии / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IV международной научной конференции : сб. ст. / под ред. Л.А. Нефедовой и др. — Челябинск : ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. — Т. 3. — С. 43-47.

36. Зелянская, Н.Л. Русская литература 1840-50-х годов в контексте системных закономерностей развития семиосферы / Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации. Труды XIII Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. : сб. ст. / под ред. В.А. Акимова и др. — Бийск : Изд-во БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. — Ч. 1. — С. 117-124.

37. Зелянская, Н.Л. Организация семантического пространства романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Материалы конгресса. Русская литература в контексте мировой культуры. Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве : в 2 тт. : сб. ст. / под ред. П.Е. Бухаркина и др. — СПб. : МИРС, 2008. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 85-93.

38. Зелянская, Н.Л. Произведения Ф.М. Достоевского 40-50-х гг. XIX века в аспекте проблемы авторской номинации жанра / Н.Л. Зелянская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2008 — № 11. — С. 16-21.

Лицензия № ЛР020716 от 02.11.98

Подписано в печать 6.10.2009 г.

Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 2. Тираж 100 экз. Заказ 484.

ИПК ГОУ ОГУ

460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13,

Государственное образовательное учреждение
«Оренбургский государственный университет»

